

УДК 811.35

Научная статья

DOI: 10.35330/1991-6639-2025-27-5-297-304

EDN: UVXTTK

Философия героизма в романе Ахмедхана Налоева «Всадники рассвета»

С. М. Алхасова

Институт гуманитарных исследований –
филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук
360000, Россия, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Аннотация. В данной статье речь идет об известном романе Ахмедхана Налоева «Всадники рассвета». В работе рассматривается тема героизма как универсальная. В исследовательскую орбиту автора входит матрица сакральных тем писателя: судьба – родина – стремление к свободе – революция – Россия – Кавказ – русско-японская война.

Цель исследования – литературоведческая оценка произведения Ахмедхана Налоева, а также выявление оригинальности подачи материала в данном произведении.

Результаты. Научная новизна исследования состоит в том, что роман «Всадники рассвета» впервые подвергается обстоятельному литературоведческому анализу. До настоящего времени не было серьезных работ, посвященных данному произведению и теме. В рамках поставленной цели решены следующие задачи: исследование ключевой темы героизма как универсальной, а также других мотивов романа. Автор ставит задачи анализа художественной структуры ключевых эпизодов произведения, изучения системы образов и персоналий, прежде всего – главного героя Залимгерия Керефова, а также рассмотрения стилистических и жанровых особенностей. Кроме того, особое внимание уделяется тому, каким образом автор осмысливает исторические события начала XX века – Русско-японскую войну – через призму личностной драмы, общественных трансформаций и народного мировоззрения. Как было замечено, несмотря на значимость творчества Ахмедхана Налоева, степень научной разработанности его наследия остается крайне низкой.

Выводы. В результате исследования автор приходит к выводу, что роман «Всадники рассвета» представляет собой масштабное художественное полотно, в котором отразились ключевые события эпохи: Русско-японская война 1904–1905 годов, а также первые шаги революционного подполья в Кабарде. Тема философии героизма раскрывается через судьбы простых горцев, в частности, жителей села Хату-Анзорово, среди которых Залимгерий Керефов. Это фигура духовно зрелая, внутренняя трансформация которой символизирует пробуждение национального самосознания. Через образ этого героя автор раскрывает не только универсальную тему героизма, но и глубокие внутренние конфликты эпохи: столкновение традиционного уклада с новыми идеями, поиск нравственных ориентиров в условиях разрушающегося мира.

Ключевые слова: тема героизма, Русско-японская война, исторические события, духовная зрелость, национальное самосознание

Поступила 08.06.2025, одобрена после рецензирования 18.07.2025, принята к публикации 25.09.2025

Для цитирования. Алхасова С. М. Философия героизма в романе Ахмедхана Налоева «Всадники рассвета» // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2025. Т. 27. № 5. С. 297–304. DOI: 10.35330/1991-6639-2025-27-5-297-304

Philosophy of heroism in Akhmedkhan Naloev's novel “Riders of the Dawn”

S.M. Alkhasova

Institute of Humanitarian Researches –
branch of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
18 Pushkin street, Nalchik, 360000, Russia

Abstract. This article is about the famous novel by Akhmedkhan Naloev "Riders of Dawn". The work explores the theme of heroism in a universal context. The author's research orbit includes the matrix of sacred themes of the writer: fate – homeland – desire for freedom – revolution – Russia – the Caucasus – the Russo-Japanese War.

Aim. The study is a literary analysis of Naloev's work, as well as an analysis of the originality and presentation of material in this work.

Results. The scientific novelty of this study lies in a thorough examination of the novel, which has not been previously subjected to a comprehensive literary analysis. Until now, there have been few serious works dedicated to this topic. The study addressed several objectives: revealing the key theme of heroism as a universal concept and incorporating other motifs observed in the novel. The author sets the task of analyzing the artistic structure of key episodes in the work, examining the system of characters and personalities, primarily the main character, Zalimgeriy Kerefov, moreover, the author considers the text stylistic and genre features. In addition, special attention is paid to how the author understands the historical events of the early 20th century – the Russo-Japanese War – through the prism of personal drama, social transformations and popular worldview. In addition, special attention is given to how the author interprets the historical events of the early 20th century – the Russo-Japanese War – through the lens of personal drama, social upheaval, and popular worldviews. As noted, despite the significance of the work of Akhmedkhan Naloev, the degree of scientific development of his heritage remains extremely low.

Conclusions. As a result of the study, the author comes to the conclusion that the novel “Riders of the Dawn” is a large-scale artistic canvas, which reflects the key events of the era: the Russo-Japanese War of 1904–1905, and the early stages of the revolutionary movement in Kabarda. The theme of the philosophy of heroism is revealed through the lives of ordinary mountain dwellers, particularly, those from the village of Khatu-Anzorovo, among whom is Zalimgeriy Kerefov, who personifies the spirit of heroism. This is a spiritually mature figure, whose internal transformation symbolizes the awakening of national self-awareness. Through the character of the hero, the author not only reveals the universal theme of heroism, but also explores the deep internal conflicts of the era including the clash between the traditional way of life and new ideas, as well as the search for moral guidance in a world that is falling apart.

Keywords: theme of heroism, Russo-Japanese War, historical events, spiritual maturity, national identity

Submitted 08.06.2025,

approved after reviewing 18.07.2025,

accepted for publication 25.09.2025

For citation. Alkhasova S.M. Philosophy of heroism in Akhmedkhan Naloev's novel “Riders of the Dawn”. *News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS*. 2025. Vol. 27. No. 5. Pp. 297–304. DOI: 10.35330/1991-6639-2025-27-5-297-304

Роман Ахмедхана Налоева «Всадники рассвета» представляет собой крупное художественное произведение, отражающее значимые исторические события начала XX века, в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. Тогда кавказские народы оказались вовлеченными не только в военные события того времени, но и в революционные движения и подпольную борьбу.

Революционные изменения, происходившие в России, оказывали свое влияние на Кавказ, когда горские народы, порой наивно воспринимавшие внешнюю угрозу, оказывались между выбором – сохранение устоявшихся норм и современные вызовы.

Роман Ахмедхана Налоева «Всадники рассвета» является значимым произведением как для кабардино-черкесской литературы, так и для всей российской литературы в целом. В произведении Ахмедхана Налоева затрагиваются важнейшие морально-этические вопросы, такие как подвиг во имя светлых идеалов, преданность и верность идеям, жертвенность, моральная ответственность, которые стали основой для последующих произведений в кабардино-черкесской литературе. Роман Ахмедхана Налоева «Всадники рассвета» сочетает в себе богатую историческую и философскую составляющую, изображая жертвы горцев-революционеров в борьбе за справедливость и свободу. Образ Залимгерия Керефова воплощает в себе моральную стойкость и трагизм революционного героизма, а идея романа – это вечная борьба за идеалы, которая, несмотря на свою трагическую неизбежность, сохраняет смысл и ценность.

Внешнее окружение главного героя, их взаимоотношения показывают нам, насколько активно пытался Залимгерий привлечь к революционной подпольной деятельности своих товарищей. Очень яркий эпизод происходит на привокзальной площади в далеком Иркутске. Здесь поезд с добровольцами, едущий с Кавказа, остановился на сутки.

Разговор Али с Залимгерием почти немой: «шептал на ухо», «сунул листки», «спрятал за голенище» – атмосфера подполья, опасности, но абсолютного взаимопонимания, сплоченности. Композиционное значение этого эпизода на вокзале в Иркутске состоит в том, что эта небольшая, почти эпизодическая сцена выполняет сразу несколько ключевых функций: во-первых, углубляет революционный портрет Залимгерия; во-вторых, демонстрирует широту его связей, размах подполья и многонациональный характер борьбы; в-третьих, важен сам способ подачи: намек, полутон, действия без прямого объяснения, что характерно для реалистической прозы высокого уровня.

Таким образом, автор ясно обозначил тему подпольной революционной работы. Залимгерий Керефов здесь уже не просто участник событий – он одна из фигур подпольной сети, получающая агитационные материалы, возможно – инструкции, шифровки. Мы, читатели, «догадываемся», что это листовки, подпольные воззвания, но писатель не говорит этого напрямую, создавая эффект достоверности и погружения.

Именно так работает реалистическая манера повествования: мы видим не лозунги, а действия, лица, жесты.

Здесь нетрудно видеть психологическую характеристику происходящего через восприятие одного из близких друзей Залимгерия – Хатуты Тохтарова. Интересно, как подается впечатление от Али глазами Хатуты – «он показался ему странным». Это важная деталь: Хатута – не идеолог, а друг, соратник, но не посвященный во все. Он представляет позицию читателя – мы вместе с ним догадываемся, напряжены, пытаемся понять: что происходит? Кто он? Почему все так таинственно? Благодаря этому возникает эффект погружения в живую ткань времени, где ничего не объясняется открытым текстом. Символическая глубина сцены заключается здесь в том, что вся сцена – символ подпольной борьбы, «второго слоя» жизни, параллельного официальной. Ничто не происходит открыто: революция – в сердце, в поступке, в скрытом действии. Именно такой путь выбрал Залимгерий, который действует молча, подпольно. Этот эпизод – звено в развитии линии героя, подтверждение того, что Залимгерий не только воин и офицер, но и мыслящий человек, включенный в борьбу идей; действует не стихийно, а сознательно, опираясь на связи, структуру, подпольную сеть. Он остается собой, не теряя достоинства, и в таких сценах Налоев показывает: он не марионетка – он человек, осознанно идущий по пути служения народу.

Итак, иркутская сцена с Али Черным – одна из «молчаливых сцен» романа, в которых реальная революционная деятельность показана не словами, а действиями и атмосферой. Залимгерий здесь предстает как глубоко включенный в подпольную борьбу, связанный с людьми разных народов и судеб, как настоящий герой своего времени.

В финале романа «Всадники рассвета» происходят несколько очень сильных и ярких эпизодов с Залимгерием: его размышления перед казнью, суд, последнее письмо жене и сама казнь.

Финал «Всадников рассвета» Ахмедхана Налоева – это вершина трагического накала всего произведения. Сцены с Залимгерием в последние дни его жизни не только придают глубину образу героя, но и являются кульминацией всей художественной композиции романа.

В тюремных размышлениях Залимгерий предстает не как романтический герой-революционер, а как человек, глубоко осознавший смысл того, на что он пошел. Он не боится смерти, но переживает за идею, за своих товарищей, за то, будет ли борьба продолжена. В этих строках – высокая степень внутренней зрелости: он говорит не столько о себе, сколько о народе, о будущем.

Это философия человека, который прошел путь от молодого подпольщика до зрелого борца, готового умереть за правое дело.

На суде Залимгерий не оправдывается. Он говорит с достоинством, спокойствием и убежденностью. Здесь проявляется моральное превосходство героя над обвинителями: даже если его казнят, правда останется за ним. Слова Залимгерия звучат как обвинение системе. Суд словно бы является трибуной, с которой он говорит правду.

Письмо жене – это самый человеческий момент в финале. Залимгерий в нем не герой и не революционер, а любящий муж. Оно написано не со страхом, а с теплотой, с мыслью о любимой женщине и с верой в будущее. Здесь чувствуются и боль прощания, и стойкость духа. Этот эпизод подчеркивает, что Залимгерий не только борец, но и человек с глубокой духовной культурой.

И последний мазок к образу Залимгерия Керефова – это его казнь через расстрел. Сцена казни описана как-то сдержанно. Автор не смакует детали, не показывает палачей негодяями. Единственная деталь: очень хриплый голос у офицера, зачитывающего приговор. Автор романа делает акцент на самом герое – как он держится с достоинством. И вот последний взгляд героя. После выстрела наступает тишина... И эта тишина символизирует вечность подвига. Залимгерий умирает, но его идеи живут. И в этом главный смысл финала романа. Его финал трагичен, но Залимгерий Керефов завершает свой путь с чувством внутреннего торжества – его жизнь имеет смысл, его подвиг не напрасен.

Залимгерий выведен автором как фигура героического масштаба. Его биография развивается по классической модели становления революционного героя: от юношеской увлеченности к осознанной подпольной борьбе, от участия в революционной агитации к жертве за идею. Этот путь сопровождается внутренними нравственными рефлексиями, которые придают образу Залимгерия философскую глубину.

Решимость героя проявляется не только в поступках, но и в способности выдержать давление суда и тюремное заключение. Его последние размышления перед казнью, исполненные спокойной уверенности, как и прощальное письмо жене, раскрывают фигуру не фанатика, а глубоко человеческого и нравственного борца. Через образ Залимгерия Ахмедхан Налоев утверждает архетип героя-мученика, личность, чья гибель становится нравственной победой над системой.

Размышления Залимгерия в камере тюрьмы перед казнью очень актуальны и сегодня: *«Человек, человек! Кто ты? Ошибка природы или бог?», – пытался он ответить самому себе. – «Ты жаждешь мира, а сам идешь на войну. Да, ты не брезгуешь проливать кровь*

ближних своих. У тебя всегда находятся доводы, чтобы оправдать себя. Война очень глупа: люди на ней убивают подобных себе» [2, с. 252].

Это подлинно философское, глубокое и до боли актуальное размышление. Оно не только раскрывает внутренний мир Залимгерия, но и превращает его образ в голос нравственной совести, обращенный ко всем людям, независимо от времени и эпохи.

Философия человека в предсмертных размышлениях Залимгерия – это трагедия ответственности перед всем миром.

В предсмертных размышлениях Залимгерия, записанных автором в форме внутреннего монолога, слышится не только голос отдельного героя, но голос всей гуманистической традиции литературы, которая ставит вопрос: что есть человек? *«Человек, человек! Кто ты? Ошибка природы или бог?»* [2].

С первых строк звучит онтологическое сомнение, глубоко связанное с философской традицией от античности до XX века. Вопрос, поставленный Залимгерием, – не риторика, а крик совести: в нем звучат отчаяние и одновременно стремление к истине. Человек предстает как существо двойственной природы: он способен на созидание, но одновременно – на разрушение: *«Ты жаждешь мира, а сам идешь на войну»* [1].

Это суждение – квинтэссенция нравственного парадокса, в котором живет человечество: стремясь к гармонии, мы раз за разом выбираем путь насилия. Налоев здесь буквально формулирует великую моральную дилемму: человек способен оправдать любое зло во имя «высшей цели», но именно в этом и заключен его крах: *«Да, ты не брезгуешь проливать кровь ближних своих. У тебя всегда находятся доводы, чтобы оправдать себя»* [2, с. 252]. Здесь резкая, почти библейская критика. Человек не только способен к насилию, но и наделен способностью рационализировать зло, оправдывать агрессию идеологией, политикой, страхом или мнимой справедливостью. Это делает его опаснее зверя – потому что его убийство сопровождается оправданием: *«Война очень глупа: люди на ней убивают подобных себе»* [2]. Заключительное суждение – простое в своей очевидности. Оно звучит как приговор самой цивилизации, погрязшей в бесконечных конфликтах. В этом Залимгерий ближе всего к героям Достоевского и Толстого – он переживает не только личную трагедию, но трагедию мира как такового.

Слова Залимгерия звучат так, словно сказаны сегодня. В эпоху, когда войны продолжают разжигаться, а человек все так же оправдывает насилие «высшими» причинами, его размышления становятся этическим манифестом. Он не политик, не проповедник, а человек, стоящий перед смертью, и потому его слова особенно весомы.

Этот внутренний монолог Залимгерия – не просто элемент художественного текста, а глубокая нравственная декларация. Он поднимает вопросы, которые актуальны во все времена: *«Что делает человека человеком?»*, *«Почему, стремясь к миру, он вновь и вновь идет на войну?»*, *«Можно ли оправдать насилие, даже если у него есть доводы?»*, – эти вопросы Залимгерий задает сам себе [3]. Через этот монолог Ахмедхан Налоев делает Залимгерия не только героем своего времени, но и носителем универсального морального послания, обращенного ко всем поколениям.

Данный фрагмент аналогичен размышлениям в русской литературе, например, внутренним монологам Пьера Безухова («Война и мир») или Ивана Карамазова («Братья Карамазовы»). Таким образом, А. Налоев продолжает литературную традицию.

Еще сильнее и трагичнее дальнейшие размышлений Залимгерия: *«Человеческая жизнь! А что такое человеческая жизнь? Родился, пожил, умер. Вот и все. Возможно, бог создал меня с целью познать самого себя? Познавая, он полюбил самого себя? И эта частица Бога, влюбленная в самого себя, отнимет у меня жизнь по приговору суда. И я снова уйду*

в ничто, откуда выплыл случайно. Но... на протяжении всего пути человек должен чувствовать себя человеком. Живи сам свободно и не делай зла другому, кто идет рядом с тобой...» [2, с. 252].

Это продолжение размышлений Залимгерия еще более глубокое и многослойное, чем первое. В нем звучат вопросы, которые касаются экзистенциальных переживаний человека, его смысла существования и отношения к миру. Мы сталкиваемся с экзистенциальным одиночеством и стремлением к самопознанию: *«Человеческая жизнь! А что такое человеческая жизнь? Родился, пожил, умер. Вот и все...»* [2, с. 252].

Эти слова – резкое обобщение, отразившее не только личные переживания Залимгерия, но и всю философию экзистенциализма. Они напоминают определение жизни как абсурдной в духе Камю, где человек рождается, сталкивается с болезнями и страданиями, а затем умирает. Это существование без явного смысла, где жизнь сама по себе не имеет окончательного ответа.

Однако за этой констатацией скрывается глубинный поиск смысла в бессмысленности. Это ощущение пустоты, присутствующее в размышлениях Залимгерия, не является отказом от жизни, а стремлением найти хоть какой-то ответ на эту абсурдность. Здесь присутствует также концепция познания Бога через самопознание. Вот цитата: *«Возможно, бог создал меня с целью познать самого себя? Познавая, он полюбил самого себя?»* [2, с. 252]. Так Залимгерий выходит на новый уровень философского размышления, где задается вопрос о природе Бога и человека. Эта мысль о том, что Бог создал человека, чтобы познать самого себя, напоминает древнегреческие философские концепции, такие как «мудрость как самопознание».

Залимгерий ставит перед собой задачу, которая не сводится к поиску внешних смыслов или оправданий. Он рассуждает о том, что, возможно, само существование человека и его страдания – это форма самопознания Бога. Слова о том, что Бог полюбил самого себя, когда создал человека, открывают потенциал для глубокого единства между Богом и человеком, где последний, несмотря на свою смертность и бренность, представляет собой частицу высшего разума: *«И эта частица Бога, влюбленная в самого себя, отнимет у меня жизнь по приговору суда. И я снова уйду в ничто, откуда выплыл случайно»* [2, с. 253]. Этот фрагмент – не просто экзистенциальное признание, а глубокая метафизическая концепция. Залимгерий ощущает, что его жизнь – это случайность, часть большого замысла, который он не в силах постигнуть. В конечном итоге он осознает свою смертность как неизбежный возврат в ничто, откуда он «выплыл» в момент рождения.

Его судьба, как и судьба каждого человека, кажется ему фатальной и неизбежной. Смерть – это возвращение в пустоту, откуда пришел его дух. И в этом осознании и безысходность, и смиренность. Важно отметить, что Залимгерий не боится этой пустоты, он ее принял как часть существования: *«Но... на протяжении всего пути человек должен чувствовать себя человеком. Живи сам свободно и не делай зла другому, кто идет рядом с тобой...»* [2, с. 253]. Здесь звучит главный моральный вывод Залимгерия, который раскрывает его гуманизм. Он утверждает, что несмотря на все философские вопросы и метафизические размышления о жизни и смерти человек обязан быть человеком в своем существовании.

Залимгерий находит смысл жизни не в том, чтобы следовать догмам, искать оправдание насилию или злоупотреблять властью, а в том, чтобы жить свободно и не приносить вреда другим. Эта позиция – призыв к нравственному совершенству, где каждый человек отвечает не только за свою жизнь, но и за тех, кто находится рядом с ним. Это высший долг человеческого существования – не навредить, не сделать зла другим, ведь всякое зло приводит к страданиям и в конечном итоге к разрушению самого человека.

Размышления Залимгерия – это не только личные переживания заключенного, но и общечеловеческие вопросы, касающиеся поиска смысла жизни, метафизики Бога и места человека в этом мире. Его мысли, несмотря на исторический контекст романа, абсолютно актуальны и сегодня. Они затрагивают вечные вопросы о сущности человеческого существования, его цели и обязанностях перед собой и окружающими. В этом смысле размышления Залимгерия можно трактовать как моральное и философское завещание. Мораль этого внутреннего монолога проста и в то же время глубока: человек должен быть свободным и ответственным за свои поступки, так как только в этом заключается настоящая человечность.

Философские размышления Залимгерия в этом фрагменте являются глубоким внутренним монологом, который касается ключевых экзистенциальных и метафизических вопросов: смысл жизни, природа человека, его связь с высшими силами, а также моральная ответственность перед собой и другими: *«Человеческая жизнь! А что такое человеческая жизнь? Родился, пожил, умер. Вот и все»* [2, с. 252]. Слова о том, что жизнь сводится к «рождению, жизни и смерти», представляют собой классическое восприятие человеческого существования как бессмысленного цикла. Как сказано было выше, это напоминает философию Альбера Камю, который говорил о человеке как о существе, которое должно найти смысл в абсурде жизни, где нет объективного, заранее установленного значения. Тем не менее герой романа Залимгерий Кереев пытается найти в ней глубокие философские ответы. Залимгерий говорит: *«Возможно, бог создал меня с целью познать самого себя? Познавая, он полюбил самого себя?»* [2, с. 253]. Вопрос «познания Бога через самопознание» перекликается с философией Гегеля, где абсолютный дух (или Бог) реализуется через самопознание. Но Залимгерий задается вопросом, возможно ли это самопознание через страдание и смерть, не останавливаясь на ответах: *«И эта частица Бога, влюбленная в самого себя, отнимет у меня жизнь по приговору суда. И я снова уйду в ничто, откуда выплыл случайно»* [2, с. 253]. Эти строки представляют собой философскую парадигму фатализма. Он осознает, что его жизнь – это только временное существование. Он воспринимает смерть не как окончательную катастрофу, а скорее как возвращение в ничто, в то состояние, откуда он пришел: *«Но... на протяжении всего пути человек должен чувствовать себя человеком. Живи сам свободно и не делай зла другому, кто идет рядом с тобой...»* [2, с. 253].

Здесь Залимгерий делает важный вывод, который, пожалуй, является основой его философской концепции: несмотря на трудности, абсурдность жизни и фатальную неизбежность смерти, человек обязан оставаться человеком в своей внутренней сущности. Эта мысль связана с гуманистической традицией, где главный принцип заключается в нравственной ответственности каждого человека за свои поступки.

Подводя итог нашему анализу, следует сказать, что представление главного героя романа о том, что человек должен «жить свободно» и «не делать зла другому», – это одновременно призыв к моральной ответственности. В этом контексте его размышления о жизни и смерти начинают звучать как моральный манифест, в котором Залимгерий утверждает: несмотря ни на что, человек не может отказаться от своей человечности, а значит, и от ответственности за мир, который он оставляет после себя.

Эти размышления актуальны не только в контексте того времени, но и в современном мире, где многие из этих вопросов остаются актуальными: как оставаться человечным в условиях бессмысленных конфликтов? Как найти смысл в жизни, осознавая ее временность и конечность? Мысли Залимгерия могут служить примером для любого человека любой эпохи.

Роман Ахмедхана Налоева «Всадники рассвета» стал важным шагом в развитии жанра исторического романа в кабардино-черкесской литературе и оказал влияние на формирование новых направлений в литературе 70-х годов XX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Налоев А. Х.* Избранное: рассказы, повести. Нальчик: Эльбрус, 1987. 320 с.
2. *Налоев А. Х.* Избранное в 2-х томах. Т. I. Нальчик: Эльбрус, 2001. 327 с.
3. *Нало Ахмэдхъан.* Нэхущ шу. Роман: на каб. яз. Налшык: Эльбрус, 1977.

REFERENCES

1. Naloev A.Kh. *Izbrannoye: rasskazy, povesti* [Selected: stories, novellas]. Nalchik: El'brus, 1987. 320 p. (In Russian)
2. Naloev A.Kh. *Izbrannoye v 2-kh tomakh* [Selected in 2 volumes]. Т. I. Nalchik: El'brus, 2001. 327 p. (In Russian)
3. Nalo Akhmedkhan. *Nekhushch shu. Roman: na kab. yaz.* [Nekhushch shu. Novel]. Nalchik: El'brus, 1977. (In Kabard.)

Финансирование. Исследование проведено без спонсорской поддержки.

Funding. The study was performed without external funding.

Информация об авторе

Алхасова Светлана Михайловна, д-р филол. наук, вед. науч. сотр. сектора кабардино-черкесской литературы, Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук;

360000, Россия, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18;

alkhas55@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1773-285X>, SPIN-код: 1842-1520

Information about the author

Svetlana M. Alkhasova, Doctor of Philology, Leading Researcher of the Sector of Kabardino-Circassian Literature, Institute for Humanitarian Researches – branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences;

18 Pushkin street, Nalchik, 360000, Russia;

alkhas55@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1773-285X>, SPIN-code: 1842-1520